

The background is a textured painting. The top part shows a pale, hazy sky. Below it, a range of low, rolling hills or mountains is depicted in shades of green and yellow. The middle and bottom sections are dominated by a sea of various blue and teal tones, with visible brushstrokes creating a sense of movement and depth. On the right side, a tall, yellowish-green lighthouse with a dark lantern room stands on a rocky outcrop. In the center of the sea, a white seagull is captured in flight, its wings spread. The overall style is impressionistic and painterly.

Александр Талыга

*Случайная
связь*

Александр Галыга

Случайная связь

«Издательские решения»

Галыга А.

Случайная связь / А. Галыга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905664-1

В сборник вошли все стихи автора о любви. В них восторг и очарование, боль и отчаяние. По-человечески счастлив тот, кто пережил эти чувства! На обложке картина «Керченский пролив», А. Галыга.

ISBN 978-5-44-905664-1

© Галыга А.
© Издательские решения

Содержание

Вчера меня ты робко упрекнула	6
Я уеду из этого города	7
Яблока раздвоенного грань	8
Что ты плачешь, стекло закупейное	9
Прощальный мотив	10
Вижу снова и вновь отражение женщины в зеркале	11
Как хороши твои места	12
Ты потом прошептала: хватит	13
Чужая жена приголубит тебя	14
А у меня в душе весна	15
Ты скажи, скажи мне, девушка Аминка	16
Новогодняя ночь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Случайная связь

Александр Галыга

© Александр Галыга, 2018

ISBN 978-5-4490-5664-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вчера меня ты робко упрекнула

Вчера меня ты робко упрекнула,
что так давно не приносил цветы,
и как-то необычно улыбнулась
о чём-то с сожаленьем горьким ты.

Жалел и я, что не с тобою вместе
давно хожу к поляне дорогой,
к моей неувядающей невесте,
с печальями своими и тоской.

Мне проще сотворить тебе камею
и много вёсен на поляну ту
ходить опять, где я давно не смею
невинную обидеть красоту.

Я уеду из этого города

*Я уеду из этой деревни...
Н.Рубцов*

Петрук Вере Андреевне

Я уеду из этого города,
ничего не сумев предпринять,
и не будет весёлая, гордая
о свершившемся, видно, пенять.
На её-то бедовую голову,
я, как снег, раз за много годов
налетел из сибирского холода
и у ног был растаять готов,
за один только взгляд киевлянки,
за один только понятый взгляд.

Я бы в нём утонул не по пьянке,
не случайно и не наугад.
Под каштанами стонут качели...
Где, в какой голубой глубине
струны сонные виолончели
оживят этот голос во мне.
Как дороги, быстры и незримы
эти звуки, лишь переплетясь...
Но дороги уходят из Рима...
Я не верю в случайную связь.

Яблока раздвоенного грань

Яблока раздвоенного грань
на столе купейном колебалась...
Отпуская, сердце не порань,
напрочь отгони печаль и жалость.
Собери все силы и не плачь,
чтоб не обнажить печаль до боли.
Ночь ушла, и вот он, день – палач,
наше счастье на две горьких доли
располосовал. Так, может быть,
рок вершится рано или поздно,
и надреза не соединить,
и над ним глумится стук колёсный.
Поезд одурел каурым вскачь.
Как живое, яблочко металось.
Не забуду твой навзрыдный плач,
видно, всё, что от меня осталось.

Что ты плачешь, стекло закупейное

Что ты плачешь, стекло закупейное,
в пелене заоконных берёз,
и стволы чередую затейливою
совпадают с дорожками слёз.

И зачем, сократя расстояния,
скорый поезд «Байкал», исполин,
всё несёт моё сердце в изгнание
по безлюдью сибирских долин.

И зачем молодая и ранняя
за окном колобродит весна,
и за давними расстояниями
долгожданная встреча видна.

Годы лечат, условности сламывая,
и обиды прощают врагу...
Верю, слышишь ты, самая славная,
я не ехать к тебе не могу.

Прощальный мотив

Тятюшкиной Вере Ивановне

Был вечер прощальный, и вы уезжали,
и были недолго со мною ещё,
и мне всё мешала уйти от вокзала
решётка, увитая старым плющом.

Такси, светофоры, немного печали,
был вечер прощальный, и вы уезжали,
и цокали туфельки тихо и модно,
и поезд казался пустым и холодным.
От вас унести был готов навсегда
и не возвратит никогда, никогда.

Не уезжайте же, молю,
я вам о многом не сказал,
О, я прошу: любовь мою
не отнимай, немой вокзал.
Отдай её, верни, молю,
я так люблю её, люблю.

Но были минуты ещё, и печалью
слегка увлажнялись окрестности глаз.
Был вечер прощальный, и вы уезжали.
О боже! И я не удерживал вас.

Прошло столько лет, и в минуты печали
опять вспоминаю как вы уезжали
такою родной и совсем не моею,
и вас удержать не посмел я, не смею...
Изящная, милая, вы уезжали.
Вы всё понимали, и всё мне прощали.

Вижу снова и вновь отражение женщины в зеркале

Вижу снова и вновь отражение женщины в зеркале,
отражение рук, и ресниц, и чарующих глаз.
Вы так часто уходите, уходящей натурой, наверное,
и звучит, и звучит восхитительный этот романс.

И не мне на веку пережить это выпало первому,
и не с каждым оно остаётся надолго у нас,
но я вижу опять отражение женщины в зеркале,
и звучит, и звучит восхитительный этот романс.

Дорогая. И вы, сколько судеб мужских исковеркали
красотою своей, что взрывает сердца. И при вас
возникает опять отражение женщины в зеркале,
и звучит, и звучит восхитительный этот романс.

Как хороши твои места

Кузьминой Н.

Как хороши твои места.
И груди, словно волны,
укачивают. Красота
твоей улыбки полной
играет негой неземной.
И губ твоих прохлада
уже овладевает мной,
и тихое «не надо»
уже звучит как сладкий стон,
как надо, надо, надо...
Теплы и высоки, как сон,
завидная беспечность,
волна с волной, их не унять,
и вот уже на море шторм,
и скоро будет не понять,
кто смог в объятия принять
или посеять вечность...
Как в недрах молниевый шар,
лишь до поры невинно
пульсируй жар любовных чар,
и возгорай в глубинах.
До новой бури-маяты
жарь до седьмого пота...
у белотелой красоты
не каждый день суббота.

Ты потом прошептала: хватит

Светлане Г.

Ты потом прошептала: хватит
милый, солнышко, я согласна,
всё равно кто-то в жизни платит...
И сняла торопливо платье.
И легла недвижимо, тихо,
роковой исход ожидая...
Я тогда срикошетил лихо:
жизни, милая, я не ломаю.
И ушёл, опустив поводья,
и оставил тебя разбитую,
как в весеннее половодье
лодку, впрок привязать забытую.
И не думал, что тёплой ночью,
торжествуя и не протестуя,
ту невинность свою святую
ты подаришь, что будут дочки...
голосистые, конопатые,
так похожие – нету сил.
Посоветуют дяде усатому,
чтобы бороду отпустил.

Чужая жена приголубит тебя

Чужая жена приголубит тебя,
быть может, и слаще, и ласковей,
и заинтригует, играя, любя,
своими лукавыми глазками.

И, увлечённый её красотой,
наполненный неожиданностью,
на время забудешь о женщине той,
твоею судьбою испытанною.

Лишь после, очнувшись в угаре хмельном,
почувствуешь ты непременно,
как в сердца незримый, но явный излом,
гадюкой вползает измена.

А у меня в душе весна

А у меня в душе весна
вот этим ранним утром зимним,
то очарует тишина,
то тёплые нахлынут ливни.

А снег ложится, и кружит
легко и необыкновенно,
и, между прочим, не спешит
запечатлеть шаги мгновенно.

А может просто маята
к вам так безудержно влечёт,
и, может быть, весна не та,
которая зимой цветёт.

Нет, это просто повезло
весну зимою сотворять.
И ей в ладонях так тепло,
что не посмею всем назло
её случайно потерять.

Ты скажи, скажи мне, девушка Аминка

Ты скажи, скажи мне, девушка Аминка,
отчего в янтарных слёзы набегах,
отчего поникли плечи кабардинки,
хрупкие и нежные, у меня в руках.

И зачем, зачем ты, девушка Амина,
со своих высоких-превысоких гор
на меня спустила прелестей лавину,
улыбаясь так, как выстрелом в упор.

Я сопротивлялся, но не в силах было
отстреляться шуткой или коньяком.
И могло случиться то, что не случилось,
только раны две зияют сквозняком.

И теперь подранком улетаю разом
я к своим баранам навсегда, навек.
Но клянусь усами рыжими, проказа,
на твои Кавказы сделаю набег.

И тогда держитесь две твои вершинки,
и пускай рыдают дети и родня.
Я не видел слаще девушки Аминки.
Ты не плачь Амина, не приеду я.

Новогодняя ночь

Вот и декабрь отзвенел, отснежил и иссяк,
в иней искристый одев новогодние ветки.
Что ж ты душа так болишь точно рыбы косяк,
сеткою траллера сдавленный грубо и крепко...

Новогодняя ночь, новогодняя ночь!
Полыхнёт за окном фейерверком огней.
Как же мне эту боль превозмочь, превозмочь?
Почему я не с ней, почему я не с ней?

Посеребрили закат облака вдалеке.
Всходят на грядках космических первые звёзды.
Только душа, словно певчая птица в садке,
ей без тебя тяжело, без тебя так непросто.

Новогодняя ночь, новогодняя ночь.
Это море улыбок и море огней.
Как же мне эту боль превозмочь, превозмочь?
Почему я не с ней, почему я не с ней?

Плавню кружатся снежинки всю ночь за окном,
нежными звуками в сердце гнездятся беспечно.
Болью души не в моём только сердце одном
эта мелодия будет звучать бесконечно.

Новогодняя ночь в лёгкой пляске теней
Это море улыбок и море огней.
Как же мне эту боль превозмочь, превозмочь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.